

Katalin Kugler

Сегедский университет

Разногласия между социолингвистическими субкодами и лексикографическими пометами

Ключевые слова: лексикография, просторечие, сленг

Key words: lexicography, vernacular, slang

Summary

Working on the dictionary of Russian-Hungarian neologisms, I realized that the traditional lexico-stylistic category ‘vernacular’ (*просторечие*) had disappeared from the recently published Russian dictionaries. Since the early 1990s, a number of slang dictionaries have been published but this note cannot be found in these works. This paper is aimed to draw the attention of lexicographers to these problems, urging to elaborate on a unified system of lexicographic notes to eliminate these paradoxes.

1.1. В первой части данной работы нам хотелось обратить внимание на следующий парадокс: в последнем десятилетии с одной стороны наблюдается многостороннее исследование лингвистами просторечия, то в лингвокультурологическом аспекте [Шалина 2005], то как социолингвистического субкода [Крысин 2007], во всяком случае как особого социального варианта языка, обладающего «целостной языковой структурой, характеризующейся своими фонетическими, лексическими, фразеологическими и другими особенностями» [Дьячок, Моисеев 2005: 31]. С другой стороны в некоторых новейших толковых словарях даже нет такого традиционного стилистического маркера как *просторечие*.

Чем объясняется это явление? Какова судьба этого уникального пласта русского языка? Далее: можем ли мы согласиться с фактом исчезновения пометы

просторечие в лексикографической практике? Если мы откажемся от этого квалификатора, тогда как классифицировать традиционные просторечные слова, и вообще слова, находящиеся за пределами кодифицированного литературного языка? Вот вопросы, на которые попытаемся ответить в этой части статьи.

1.2. Исследование городского просторечия развернулось в 70-е годы. В его детальном лингвистическом описании имеет большие заслуги Институт русского языка АН. [См. сборники статей: 1977, *Литературная норма и просторечие*; 1984, *Городское просторечие* и тп.]. В современных учебниках для вузов мы находим традиционное описание просторечия [например, Беликов, Крысин 2001: 53; Крысин 2007: 153]. Помимо того, что в научной литературе последних лет вышло множество статей, посвящённых проблематике просторечия, несколько лет назад планировалось даже издание словаря просторечной лексики [См.: Дьячок, Моисеев 2005: 34]. Итак, мы можем заключить, что просторечие как специфический пласт лексики, как особый субкод является органичной частью современного русского языка. Однако за прошедшие десятилетия некоторые изменения бесспорно произошли и в плане статуса просторечия. Нам предстоит вкратце рассмотреть эти изменения.

Сначала посмотрим в социолингвистическом аспекте, что произошло с носителями просторечия. Под влиянием речи людей, переселившихся в 60–70 годы из сёл в города, возник сниженный вариант городской речи, в котором сохранились элементы диалектной речи и для которого характерна не только особая лексика, но и сниженные морфологические формы, а также определенные фонетические особенности. Эти, скорее всего малообразованные люди, сегодня уже в пожилом возрасте. Они, как правило, сохранили свою речевую культуру, передав её младшим поколениям. Многие представители новых поколений из этих семей имеют уже высшее образование, однако мы согласны с мнением И.В. Шалиной, что диплом о высшем образовании ещё не делает человека действительным носителем литературной культуры [Шалина 2005]. Эти люди в определённых коммуникативных ситуациях переключаются на освоенные ими в детстве субкоды, и если понадобится, то и на просторечие. Бесспорный факт, что просторечие не исчезло из сниженной городской речи. Его употребление мотивировано в разной степени возрастными, образовательными, коммуникативными причинами, социокультурными традициями в данной семье, особенностями окружающей субкультуры, а также актуальными рече-поведенческими условиями.

В нашем понимании просторечие, с одной стороны основная форма речевой самореализации многих горожан (моноглоссия), с другой стороны оно представляет собой возможное средство речевой адаптации к окружающей языковой действительности (диглоссия). Просторечие, конечно, нельзя рассматривать лишь как специфическую языковую формацию, его надо исследовать комплексно как социокультурное явление, связанное с определённой ментальностью, с особыми поведенческими нормами, что и делалось лингвистами в последнем десятилетии.

1.3. Нас интересует просторечие в особом ракурсе, а именно, с точки зрения лексикографической практики: почему в словарях не отражается наличие просторечия в современном русском языке?

1.3.1. Чтобы ответить на эти вопросы, мы должны сначала обратиться к изменениям лексического состава русского языка, произошедшим за последние десятилетия. После исчезновения из лексики советизмов, образовавшийся вакуум заполнили главным образом слова, заимствованные из разных субкодов, в значительной мере из лагерного жаргона, из молодёжного сленга, далее, слова, заимствованные из английского языка. Результатом этих тенденций стала с одной стороны жаргонизация, с другой – американизация лексики, что отражается и в словарях Г.Н. Складневской [Складневская 1998, 2006]. В указанных словарях не встречается традиционная помета *прост.*, что вполне понятно, ведь в них вошли слова, распространившиеся в постперестроечное время, и они заимствованы, помимо английского языка, из разных социальных диалектов, однако не из простонародной речи. Поэтому в словарях Складневской игнорирование пометы *прост.* вполне можно оправдать специфичностью словарного материала.

Заметим ещё, что при квалификации нелитературной лексики в более позднем словаре Складневской уже нет пометы *Лег. Жарг.* (лагерный жаргон), и слова, имевшие в 1998 году такую помету, отмечены уже лишь пометой *Жарг.*, например, *жмурик*, *вольняга* [Складневская 1998; 2006]. С другой стороны, слова, квалифицированные сначала как относящиеся к лагерному жаргону, в новом варианте словаря уже не встречаются, например, *кивала*. Это, с одной стороны, свидетельствует о постепенной адаптации одних слов жаргонизированной устной речи, а с другой стороны, об исчезновении из употребления некоторых других слов. Интересно отметить, что значение пометы *Жарг.* определяется Складневской следующим образом: «характеризует социально обособленную лексику, обычно отличающуюся максимальной экспрессией» [Складневская 2006: 9]. Помета *Сниж.* (сниженное), служащая «собственно стилистической характеристике», встречается «при словах низкой социальной значимости, и как правило, низкой семантики, содержащей элементы резкой оценки. Обычно она сочетается с пометой *Разг.*» (разговорное) [Складневская 2006: 11]. Например, слово *отмазать* в значении «довести до крайнего раздражения, приставая, надоедая» имеет пометы: *Разг. Сниж.* В данной словарной статье указывается, что глагол происходит из уголовного жаргона [Складневская 2006: 695]. Стоит отметить, что указанная двойная функционально-стилистическая помета квалифицирует слова, имеющие обычно в словаре Ожегова–Шведовой маркер *прост.* [Ожегов, Шведова 1996]. По нашему мнению, глагол *отмазать* можно было бы отнести к арготическим словам.

На основе этого и других примеров, взятых из второго словаря Складневской, мы должны заключить, что упомянутые и подобные слова уже освоены устной разговорной речью, правда, они находятся на её нижнем ярусе. И здесь возникает вопрос: где границы кодифицированной устной речи? Кстати,

на трудности разграничения разговорной и просторечной лексики сама Г.Н. Складаревская указывала уже в 1988 году [Складаревская 1988: 83].

1.3.2. Авторы «Большого толкового словаря» также совсем отказались от употребления пометы 'просторечное' при функционально-стилистической характеристике слов [Кузнецов 1998]. Поскольку этот словарь включает в себя все пласты русского языка, в том числе и традиционно просторечные слова, типа *ихний*, *намедни*, *хворать* и тп., читатель с удивлением констатирует переквалификацию указанных слов в разряд *разговорных*. Мы, конечно, не исключаем возможность модификации положения некоторых сниженных слов по стилистической шкале, а именно их приближение к центру, однако «легализация» употребления этих и подобных слов в кодифицированной устной речи с помощью пометы *разг.* кажется нам не вполне оправданной.

В словаре С.А. Кузнецова (далее БТС) вместо традиционного квалификатора *прост.* встречаются многочисленные маркеры для характеристики сниженных слов. Кроме общепринятого *разг.* (разговорное) мы находим еще: *нар.-разг.* (народно-разговорное), например, *давеча*, *хворь*, *наперёд*, *небось*, *эвон*; *разг.-сниж.* (слова, «содержащие намеренно грубоватую экспрессию»), например, *невтерпёж*, *охальник*, *охальничать*, *паршивый*; *трад.-нар.* (традиционно-народное), т.е. слова, называющие предметы крестьянского быта, и «привносящие в литературный язык фольклорный колорит», например, *серчать*, *сыздавна*, *сызмалу* и тп. [Кузнецов 1998: 15]. Помета *фам.* (фамильярное) употребляется при словах, «используемых в непринуждённом, товарищеском общении, в неофициальной обстановке».

1.3.3. Интересно отметить, что за исключением слова *невтерпёж*, все выделенные в предыдущем абзаце слова в толковом словаре Ожегова–Шведовой имеют помету *просторечное*. А слово *невтерпёж* квалифицируется как *разговорное*, и стоит без других стилистических квалификаторов [Ожегов, Шведова 1996]. В указанном словаре категория просторечия вообще расширяется, помету *прост.* имеют и такие широко распространённые слова, как, например, *киношник* из профессионального жаргона, разговорное выражение *махнуть куда-нибудь*, устаревающие разговорные слова *ухажёр*, *кураж*, *куражиться*. Особенно удивительны последние примеры, которые, на наш взгляд, по своему стилистическому статусу, далеко не идентичны с другими вышеуказанными, действительно просторечными, словами.

Авторы БТС явно руководствовались дескриптивным принципом описания лексики, а Ожегов–Шведова пользовались прескриптивным методом. Названные лексикографы как будто внушают пользователям словаря анормативность, внелитературный характер слов, квалифицированных ими как просторечные.

1.3.4. На противоречивость и размытость толкования просторечия лексикографами Г.Н. Складаревская обратила внимание уже в 1988 году. Этот языковой феномен объединяет совершенно разнородные пласты языка, как лексику непринуждённой речи, ненормативные слова, имеющие диалектное происхождение, экспрессивную разговорную лексику, жагонизмы или же лексику

профессионально-разговорной речи. В своей статье автор указывает также на непоследовательность применения стилистических помет, и предлагает отмену пометы *прост.* в словарях [Скляревская 1988: 94]. Надо отдать должное упомянутому лексикографу: через десять лет этот принцип был претворён в жизнь авторским коллективом под руководством Г.Н. Скляревской. В конце указанной статьи высказывается предложение выделить лексикографическую стилистику как отдельное направление стилистических исследований, которая могла бы совместить усилия стилистов и лексикографов. Однако об осуществлении этого предложения до нас ещё не дошла информация.

Приведем несколько примеров, подтверждающих пестроту, порой странности лексикографической квалификации тех же слов. В указанном словаре Ожегова–Шведовой к просторечной лексике относятся слова *тусоваться, тусовка, чернуха, крутой, баксы*. Они же в БТС имеют помету *жарг.*, а в более позднем словаре Скляревской помету *разг. толкучка, барахолка, махнуть куда-нибудь* Ожеговым–Шведовой квалифицируются также как просторечные, а в других указанных словарях как разговорные. В другом случае такие слова как *рзкетня, салага, порнуха*, которые, нам думается, относятся к одному функционально-стилистическому разряду, в рамках одного и того же словаря имеют пометы *разг.*, *жарг.*, *разг.-сниж.* [см. Скляревская 2006]. Несмотря на аномалии лексикографической характеристики многочисленных слов в современных словарях, надо отдать должное российским лексикографам за попытку расширить, дифференцировать функционально-стилистическую квалификацию словарных единиц.

1.3.5. У зарубежных лексикографов-русистов, составляющих двуязычные словари, *просторечие*, как правило, вызывает особые трудности, ведь оно не имеет аналога в других языках, в том числе в венгерском. Очень трудно, можно сказать – невозможно найти к нему точный, адекватный эквивалент. Хадрович и Гальди, авторы двухтомного русско-венгерского словаря, который до 1989 года регулярно переиздавался, идентифицируют это понятие как '*народное*', точнее, по их словам, «общеупотребительное слово народного характера» [Hadrovics, Gáldi 1974: XIV]. Составители нового среднего русско-венгерского словаря эту помету заменили пометой *вульгарное*, и применяли ее соответственно стилистическому квалификатору *просторечие* по словарю Ожегова–Шведовой [Gáldi, Uzonyi 2000]. Такое решение приводило иногда к не вполне удачным результатам.

Работая над составлением нового русско-венгерского словаря, в котором собраны неологизмы последних двух десятилетий, сам автор этой статьи растерялся при квалификации выше указанных и подобных слов. (Рабочее название словаря «Новые слова и значения в русском языке».) Кому поверить? Какой словарь выбрать ориентиром? Как перевести на иностранный язык помимо слова *просторечное* такую категорию как *разговорное-сниженное*?

2. В социолингвистике также весьма противоречиво описание таких субкодов как *сленг, арго* и *жаргон*. В учебнике для филологов по социолингвистике

в числе социолектов понятия эти рассматриваются не вполне последовательно. *Арго* кодифицируется как тайный язык, в котором преобладает «языковая маскировка содержания коммуникации», а в жаргоне «выражение принадлежности к (данной) группе» [Беликов, Крысин 2001: 48]. В том же учебнике сленг идентифицируется таким образом: «Содержательно близок к тому, что обозначается термином жаргон» [Беликов, Крысин 2001: 51]. В дальнейшем слово *сленг* авторы употребляют как синоним слова *жаргон*, например, *компьютерный жаргон (сленг)*. В научной литературе пишется то *молодёжный жаргон*, то *молодёжный* или *студенческий сленг*. Что отличает эти понятия, остаётся неизвестным. В учебном пособии А.П. Крысина для вузов в разделе лексикологии *сленг* и *арго* даже не упоминаются, встречается лишь *жаргонная лексика* [Крысин 2007: 147–149]. Получается, что нет такого субкода как *сленг*?

Размытость границ рассматриваемых понятий отражает и лексикографическая практика, где эти категории часто оказываются синонимами. Например, в одном словаре В.С. Елистратова описывается «московское арго», а на обложке другого словаря того же автора слово *арго* заменяется словом *сленг* [Елистратов 1994, 2007]. Во втором словаре в предисловии последовательно употребляется потом слово *арго*. Выходит, что в научной литературе и в учебниках жаргон и сленг тождественны, а в лексикографической практике идентичны арго и сленг. Следовательно, мы говорим об одном языковом явлении разными терминами.

Слово *сленг* заимствовано из англоязычной терминологии, и его узаконивание в русской лексикографической практике произошло в начале 90-х годов. См.: словарь Сленг хиппи [Рожанский 1992]. Когда это понятие узаконилось, в лингвистических работах стали широко обсуждаться особенности молодёжного сленга (жаргона) и находившихся в советское время под запретом других субъязыков. Несмотря на научный интерес к этой проблематике, на появление множества словарей субъязыков, в толковых словарях, вышедших во второй половине 90-ых годов и также в новом словаре Складневской нет квалификатора *сленг* [Ожегов, Шведова 1997; Кузнецов 1998; Складневская 1998; 2006].

Нам кажется необходимым сформулировать наше отношение к этим понятиям. *Арго* мы воспринимаем традиционно, то есть, как тайноречие преступного мира, шире, как язык городских маргинальных элементов. По нашему мнению, «настоящие» арготизмы связаны с тюремно-лагерным или уголовным жаргоном. В советское время тюремно-лагерным жаргоном пользовались миллионы людей, соприкоснувшиеся по-разному с лагерным миром. Тогда эти слова распространялись поспудно, потом после отмены цензуры вылились в литературный язык посредством СМИ, лагерной литературы, представителей теневого эконоки и тп.

Жаргон идентифицируем как лексикон представителей разных профессий, людей, которых объединяют общие увлечения, интересы, общая социально-бытовая сфера. Это чаще всего неофициальные названия используемых ими

предметов, орудий труда, слова, связанные с их специфической деятельностью. (См. жаргон охотников, моряков и даже школьников.)

Русский *сленг* развивался в разные периоды с разной интенсивностью, но всегда как контрязык. В 60–70 годы он реализовался в речи хиппи как языковой протест, потом проник в интеллигентскую речь, где питался, конечно, и из лагерного жаргона. В сленге городской интеллигенции и студенчества 70–80 годов находили место языковая игра, остроумное высмеивание негативных явлений общества, аномалий снабжения, политической системы и тп. В то время сленг имел некоторые признаки тайноречия, ведь с помощью секретных словечек шла маскировка истинной информации. Пользоваться этим субкодом – обозначало некий общественный протест. Однако носители доперестроечного и постперестроечного сленга умели переключаться, в зависимости от коммуникативной ситуации, на другие коды. Сленг тех лет отличался юмором, сарказмом, иронией и отражал молодёжно-интеллигентскую контркультуру. Ознакомившись с русско-венгерским словарём сленга, мы пришли к выводу, что русский сленг советского времени, это некий заколдованный мир, где не признают никаких авторитетов, где нет никаких табу, где единственное средство самозащиты, иллюзии вольности – острое словцо, высмеивание своих врагов, аномалий бытия [Fenyvesi 2001]. Ощущение существования вне закона, позиция постоянной оппозиции вдохновляет речетворчество обитателей этого мира. Созданные ими слова и выражения носят отпечаток народного юмора, игры, интеллигентского остроумия, они выражают то беспардонное, то наплевательское отношение к властям, к существующей политической системе.

Однако роль сленга со временем трансформировалась. Он вышел из подполья и некоторые его элементы из-за широкой распространённости стали изнашиваться, а другие в новых общественных условиях лишились смысла. В сленг хлынуло громадное количество английских слов, которые стали употреблять скорее всего молодые люди, владеющие английским языком всё лучше и лучше. На наш взгляд, сленг лишился того смака, которым он обладал в советское время. Многие носители языка сегодня пользуются сленговыми словами повсюду и постоянно. Уже несколько лет назад было отмечено, что в речи многочисленных людей сленг начинает вытеснять литературный язык, и сленг (или жаргон по терминологии других исследователей) стал для многих «основным» языком [Колтунова 2003: 50]. Стилистическая разница между сленговыми и кодифицированными словами многими уже не осознаётся, и этот субкод начинает растворяться в литературном языке. В этом процессе принимали активное участие и имеют важную роль и сегодня масс-медиа и Интернет.

В начале 90-х годов арготизация, потом общая жаргонизация литературного языка привела к тому, что в лексикографической практике появилось уже понятие «жаргонизованная разговорная речь» [Мокиенко, Никитина 2000]. Кстати, в указанном словаре категория *сленг* также не встречается.

3. В данной работе нам хотелось проиллюстрировать противоречивость ситуации, которая сложилась в лексикографической практике из-за

неработанности и неоднозначности функционально-стилистических маркеров, указать на асинхронность достижений социолингвистических исследований и лексикографической практики. Бесспорно осложняет ситуацию, что лексикограф должен увековечить лексические явления на той стадии, когда процессы внутреннего и внешнего заимствования в лексике ещё не завершились, когда всё ещё в движении. Зарубежный лексикограф вдвойне в тяжёлом положении, ведь он должен найти на пёстрой палитре свой ориентир для наиболее адекватной классификации лексических новшеств, и потом найти в своем языке аналог для интерпретации данного слова. Это весьма сложно, когда, как мы на это раньше указывали, *просторечие* не всегда имеет аналогичные пласты лексики. Возникает ещё один вопрос: должен ли лексикограф отразить все нюансы стилистической маркированности слова, или более продуктивна упрощённая квалификация?

На эти вопросы, конечно, мы не намерены дать окончательного ответа, мы можем лишь предложить свой возможный вариант, применяемый в нашем словаре. Поскольку среди собранных нами неологизмов «исконно» просторечных слов не бывает, то в случае сниженных слов мы отказались от лексикографической практики, применяемой в словаре Ожегова–Шведовой. Таким образом, кроме выше перечисленных слов, мы также не относим к просторечным такие слова как *чайник* (в переносном смысле), *балдёж*, *мне до лампочки* и тп. Однако в отличие от словаря Скляревской слова *балдёж*, *чайник* мы квалифицируем не как жаргонные, а как сленговые. Нам думается, что эти последние слова, и также слова *баксы*, *крутой*, *балдеть* сегодня уже нельзя связать с одной социальной или корпоративной группой, следовательно нельзя их относить к жаргону, как это требовалось бы по социолингвистическим меркам. Мы придерживаемся позиции Михая Петера, согласно которой сленговые слова настолько распространены в непринуждённой разговорной речи, что они уже лишились своих социально-профессиональных корней [Péter 1999]. Мы должны заметить ещё, что в венгерской научной и лексикографической практике термин «сленг» почти полностью вытеснил термин «жаргон».

Нам кажется, что в связи со сленгом лучше говорить об особой психолингвистической категории, ведь сленг предполагает определённое восприятие мира, особую гражданскую позицию (или у современной молодёжи её отсутствие), и даже некий образ жизни. Нам кажется необходимым отразить это явление, этот особый пласт лексики в словарях специальными лексикографическими маркерами.

В заключение хотелось бы выразить желание увидеть чётко разработанную, общепринятую систему лексикографических квалификаторов, и также увидеть долгожданную лексикографическую стилистику, о которой мечтала Г.Н. Скляревская два десятилетия назад. Без этого зарубежный лексикограф-русист затрудняется квалифицировать такие слова, которые имеют в разных словарях совершенно различную функционально-стилистическую помету.

Литература

- Fenyvesi I., 2001, *Orosz-magyar és magyar-orosz szlengszótár. Русско-венгерский и Венгерско-русский словарь сленга*, Budapest: SYCA Kiadó.
- Gáldi L., Uzonyi P., 2000, *Orosz-magyar szótár*, Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Hadrovics L., Gáldi L., 1968, *Orosz-magyar szótár*, Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Hadrovics L., Gáldi L., 1974, *Magyar-orosz- szótár*, Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Péter M., 1999, „Húsz év múlva”. (Régebbi és újabb gondolatok a szlengről) [в:] Fenyvesi A., Kis T., Várnai J.Sz. (ред.), *Mi a szleng?* сб. ст., Debrecen: Kossuth Egyetemi Kiadó, с. 25–38.
- Беликов В.И., Крысин Л.П., 2001, *Социолингвистика*, Москва: Издательство Российского государственного гуманитарного университета.
- Громов Д.В., 2009, Сленг молодёжных субкультур, *Русский язык в научном освящении*, № 1 (17), Москва: Языки славянской культуры, с. 230–240.
- Дьячок М.Т., Моисеев С.В., 2005, К изучению социолингвистического портрета носителя русского просторечия [в:] *Материалы 6. Научной конференции*, Новосибирск, с. 167–169.
- Елистратов В.С., 1994, *Словарь московского арга*, Москва: Русские словари.
- Елистратов В.С., 2007, *Толковый словарь русского сленга*, Москва: АСТ-Пресс Книга.
- Земская Е.А., Шмелев Д.Н. (ред.), 1984, *Городское просторечие. Проблемы изучения*, Москва: Наука.
- Колтунова М.В., 2003, Что несёт с собой жаргон, *Русская речь*, № 1, с. 48–50.
- Крысин А.П., 2007, *Современный русский язык*, Москва: Центр Академия.
- Кузнецов С.А., 1998, *Большой толковый словарь русского языка*, Санкт-Петербург: Норинт.
- Мокшенко В.М., Никитина Т.Г., 2000, *Большой словарь русского жаргона*, Санкт-Петербург: Норинт.
- Никитина Т.Г., 1998, *Так говорит молодёжь. Словарь молодёжного сленга*, Санкт-Петербург: Фолио-пресс.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю., 1996, *Толковый словарь русского языка*, изд. 2-е, испр. и доп., Москва: Азъ.
- Рожанский Ф.И., 1992, *Сленг хиппи. Материалы к словарю*, Санкт-Петербург–Париж: Издательство Европейского Дома.
- Скворцов Л.И. (ред.), 1977, *Литературная норма и простоечие*, Москва: Наука.
- Скляревская Г.Н., 1988, Ещё раз о проблемах лексикографической стилистики, *Вопросы языкознания*, № 3, с. 84–97.
- Скляревская Г.Н., 1998, *Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения*, Санкт-Петербург: Фолио-пресс.
- Скляревская Г.Н., 2006, *Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика*, Москва: ЭКСМО.
- Феньвеш И., 1996, Современные словари русского сленга, *Studia Slavica Savriensia*, № 1–2, с. 189–205.
- Шалина И.В., 2005, Просторечная речевая культура, *Известия Уральского государственного университета*, №. 35, с. 203–216.